

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МЕТАФОРА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА (1917–1956 гг.)

Рассматриваются концептуальные метафоры, отражающие идеологические установки советской власти, распространенные в русском языке советского периода (1917–1956 гг.). Выделяются разряды концептуальных метафор, анализируются их фреймовая структура, прагматический смысл.

Ключевые слова: концептуальный; советский; метафора; метафорический; модель; фрейм.

После Октябрьской революции 1917 г. в России вместе с новой государственной властью возникает язык официальной советской пропаганды, который выходит далеко за пределы политической сферы и оказывает влияние на все виды словесности.

Русский язык советского периода изучается современными лингвистами в различных аспектах: описывается советская словесная культура (А.П. Романенко), (А.Д. Шмелёв), выявляются идеологемы и мифологемы советского тоталитарного языка (Н.А. Купина), а также «советская» составляющая русской картины мира, анализируются современное состояние советизмов, их трансформация (З.С. Санджи-Гаряева) и т.д. Устанавливается статус данного языкового феномена: был ли это особый «официальный», «ритуальный» (М. Кронгауз) язык или жаргон, «официальный, партийно-государственный вариант русского языка» (Э. Хан-Пира), «советский языковой стандарт» (А.П. Романенко). Большинство исследователей полагают, что «через систему образования и средства массовой коммуникации соответствующая лексика и фразеология внедряются в языковое сознание миллионов, воздействуя таким образом (прежде всего через подсознание) на языковую картину мира и изменяя ее в желательном для властей направлении» [1. С. 133]. А.Д. Шмелёв [2. С. 173] подтверждает: язык советской пропаганды был всепроникающим, и тем самым всепроникающая картина мира навязывалась всем носителям русского языка.

Первоисточником «советского» языка являются выступления официальных лиц и официальный публицистический дискурс (прежде всего передовые статьи «Правды»). Особенности функционирования советской словесности во многом определялись нормированием и регламентацией ее партийно-правительственным аппаратом, т.е. властью [3. С. 8], отсюда вытекает важнейшая характеристика языка советской пропаганды – партийность – обязательная составляющая всех советских произведений речи, то общее и принципиально важное, что делает произведение речи советским [3. С. 73].

«Основная функция политической речи – это изменение представлений адресата о политической реальности, своего рода преобразование политического мира в сознании читателей и слушателей. Одно из важнейших средств такого преобразования – метафорическая модель, которая позволяет представить какую-то сложную проблему как достаточно простую и хорошо знакомую, сделать ее более значимой либо, наоборот, отвлечь от нее внимание общества, показать один из вариантов развития событий как совершенно невозможный или, наоборот, вполне естественный» [4. С. 42].

В коммуникативной деятельности метафора – важное средство воздействия на интеллект, чувства и волю

адресата [5]. На наш взгляд, исследование концептуальных метафор советского периода (1917–1956 гг.) сделает более полной объективную картину жизни нашей страны, поскольку система базисных метафор – это своего рода ключ к пониманию «духа времени».

Под концептуальной метафорой мы понимаем «устойчивые соответствия между областью источника и областью цели, фиксированные в языковой и культурной традиции данного общества», где область источника – это «более конкретное знание, получаемое человеком в процессе непосредственного опыта взаимодействия с действительностью», а сфера цели – «менее ясное, менее конкретное, менее определенное знание» [6. С. 75–76].

Материалом для нашего исследования послужили тексты передовых статей газеты «Правда» 1917–1956 гг. и речи И.В. Сталина. Хронологические рамки исследования определяются ключевыми событиями в истории Советского Союза: 1917 г. знаменует время рождения советской культуры, 30–50-е гг. – время установления и стабилизации норм этой культуры, 1956 г. – XX съезд КПСС, после которого начинается отрицание периода «культы личности» [3. С. 35–36]. Объектом исследования является концептуальная метафора в русском языке советского периода, предметом – метафоры, отражающие идеологические установки советской власти.

А.П. Чудинов [7] выделяет 4 разряда современной русской политической метафоры: антропоморфная, природоморфная, социоморфная и артефактная. В данной статье предпринята попытка на основе этих разрядов систематизировать концептуальные метафоры, отражающие идеологические установки советской власти, в русском языке советского периода и в рамках каждого разряда описать метафорические модели, актуальные в изучаемый период (1917–1956 гг.).

В русском языке советского периода представлены все названные выше разряды русской политической метафоры: антропоморфная (представлена метафорическими моделями СССР – СЕМЬЯ, СССР – ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ОРГАНИЗМ), природоморфная (ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПАРТИИ / НАРОДА – ДЕЙСТВИЕ СТИХИЙ НЕЖИВОЙ ПРИРОДЫ и ее вещественных проявлений или элементов), артефактная (СОВЕТСКОЕ ГОСУДАРСТВО – ЗДАНИЕ, ВЛАСТЬ – МАШИНА / МЕХАНИЗМ), социоморфная (СССР – ВОЕНИЗИРОВАННОЕ ОБЩЕСТВО), а также пространственная метафора (метафорическая модель РАЗВИТИЕ ГОСУДАРСТВА – ДВИЖЕНИЕ ПО ДОРОГЕ).

Артефактная метафора в русском языке советского периода представлена метафорами ЗДАНИЯ И МЕХАНИЗМА. Метафора ЗДАНИЯ не является новой

(например, у Пушкина – *...и на обломках самовластья напишут наши имена*), но ее активизация и широкое употребление, скорее всего, связаны с учением К. Маркса и Ф. Энгельса, которые представляли общество в виде некоего здания, строения и говорили о нем терминами строительства.

Метафорическая модель СОВЕТСКОЕ ГОСУДАРСТВО – ЗДАНИЕ структурирована двумя фреймами «Конструкция здания» и «Строительство, ремонт и разрушение дома». Возведение государственного здания большевики начали с экономического фундамента, который был построен в 1931 г.: *Именно потому мы в 1931 г. завершим построение фундамента социалистической экономики СССР...* (Правда. 1931. № 53). В 1937 г., по мнению властей, было построено стройное величественное здание социализма: *Великое здание построенного, прочно утвердившегося социализма товарищ Сталин увенчал созданием основного закона жизни советских людей – Конституции...* (Правда. 1949. № 355).

Наиболее структурированным является фрейм «Строительство, ремонт и разрушение дома». На протяжении всего периода существования советской власти наиболее активно используются слоты «строительство дома» и «строители». После Октябрьской революции 1917 г. наступило время тотальной стройки. Одними из самых частотных номинативных единиц были строительство, строить, стройка. Строительство светлого здания социализма было разбито на отдельные участки / этапы: *Десять лет Октябрьской революции есть десять лет строительства партии, профсоюзов, Советов, кооперации, культурных организаций, транспорта, промышленности, Красной армии* (Сталин. 1939. С. 176). Советские граждане являлись строителями новой жизни: *Человек, активный строитель нового общества, – всегда в центре внимания партии...* (Правда. 1937. № 191). Архитекторами или зодчими здания социализма были В.И. Ленин и И.В. Сталин. Употребление высокого синонима подчеркивало великую роль вождей в строительстве социализма и коммунизма, а также создавало ореол почета и бесконечной благодарности к партийным лидерам: *Прогрессивное человечество отдает дань глубочайшего уважения Ленину как гениальному теоретику, великому зодчему социализма* (Правда. 1970. № 112).

Слот «ремонт дома, его перестройка» регулярно использовался в русском языке советского периода. В процессе строительства государственного здания постоянно что-то перестраивалось: партийно-политическая работа, органы советской власти, руководство колхозами, народное хозяйство и т.п. Вероятно, из-за непрерывной перестройки так и не было возведено здание коммунизма (в исследуемый период подобная метафора нами не была обнаружена). С одной стороны, частотность употребления метафоры перестройки, возможно, говорит об отсутствии первоначального четкого плана строительства, а с другой – о допускаемых ошибках в этом строительстве и о критическом отношении к данным ошибкам. Недаром в конце существования Советского государства была объявлена последняя, горбачевская, перестройка, которая так и не осуществилась.

Реже употребляется слот «разрушение дома». Метафора РАЗРУШЕНИЕ СТАРОГО ГОСУДАРСТВЕН-

НОГО ЗДАНИЯ И ПОСТРОЕНИЕ НА ЕГО МЕСТЕ НОВОГО, СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО была призвана показать принципиальное отличие советской власти от дореволюционной: *Нашей стране, нашему многомиллионному народу выпала великая честь впервые в истории человечества строить на развалинах разгромленного капиталистического строя новый мир... – мир социализма* (Правда. 1940. № 1). Прагматический смысл метафоры ДОМА делал процесс создания нового государства личным делом каждого советского гражданина, поскольку понятие родного, отчего дома естественно и близко каждому.

Метафора МАШИНЫ / МЕХАНИЗМА, по наблюдениям А.Н. Баранова, А.П. Чудинова, философа Л. Мэмфорда, немецкого филолога В. Клемперера и других ученых, появилась задолго до возникновения советской власти и существовала во многих странах мира. По мнению Л. Мэмфорда [8], механистическая метафора (мегамашина в его формулировке) – это невидимая структура, составленная из живых, но крепких человеческих элементов, каждому из которых предназначались особая должность, роль и задача, что и обеспечило в конечном итоге громадную производительность и грандиозные проекты этой великой коллективной организации. Иными словами, это представление государства и общества как машины, управление которыми подобно управлению механизмом. Метафора МЕХАНИЗМА для человека предсказуема и абсолютно проницаема, этим и объясняется ее «долговечность».

В 1924 г. Сталин дал метафорическое определение Советского государства (фрейм «Машина»): *Государство есть машина в руках господствующего класса для подавления сопротивления своих классовых противников. В этом отношении диктатура пролетариата ничем по существу не отличается от диктатуры всякого другого класса, ибо пролетарское государство является машиной для подавления буржуазии* (Сталин. 1939. С. 29). Осуждалась старая государственная машина эксплуататоров как орудие зверского подавления народа (Правда. 1937. № 307), в то время как машина социалистического общества была подвластна народу, ранее угнетаемому: *Рука рабочего класса на рычаге. Машина пущена в ход* (Правда. 1920. № 29).

В Советском государстве слаженно работают различные механизмы (фрейм «Механизм»): хозяйственный, экономический, государственный: *...рабочий, предложение которого даст возможность значительной экономии и улучшение государственного механизма, должен быть поощрен...* (Правда. 1928. № 112). Представление экономических, социальных, политических и других явлений с помощью механизма показывало их исправность, отлаженность, действенность. Слоты фрейма «Детали машины / механизма» показывают, какую роль играют человек и различные советские реалии в государственной машине. Так, тормозом революционного дела было Временное правительство, двигателем социализма в 20–30-е гг. XX в. должна была стать кооперация, внутренняя пружина социалистического соревнования, по определению Сталина, – трудовой подъем народа, у руля машины стоит рабочий класс, люди – винтики, которые держат в состоянии активности государственный механизм, профсоюзы –

главный приводной ремень партии к рабочим массам. Помимо этого, функционировали разнообразные рычаги: хозяйственный, организационный, рычаги диктатуры, рационализации, политико-массовой работы и др. Здесь следует отметить антропоморфизм этой метафорической модели. Человек, общественные объединения ценны как часть механизма и необходимы лишь для исправной работы государственной машины. В структуру этой метафорической модели входит фрейм «Государство – корабль». Великий советский корабль ведет по точному курсу гениальный кормчий Сталин, враги советской власти выбрасываются за борт, а СССР – неугасимый маяк социалистической демократии: *Ленин, вместе с лучшим своим соратником Сталиным, провел наш государственный корабль в опасный период жизни молодой, неокрепшей республики Советов* (Правда. 1940. № 17).

Метафора МАШИНЫ / МЕХАНИЗМА показывает стремление создать идеальное Советское государство, в котором бы исправно работали различные механизмы. Антигуманность этой метафоры, отражающей идею тоталитарного общества, в отношении к человеку как к детали машины. В значении этой метафоры выделяются следующие семы: функциональность, отлаженность, бездушность.

Метафорическая модель ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПАРТИИ / НАРОДА – ДЕЙСТВИЕ СТИХИЙ НЕЖИВОЙ ПРИРОДЫ и ее вещественных проявлений или элементов структурирована фреймами «Стихия» и «Элементы неживой природы». Слоты фрейма «стихия» – стихия огня, стихия ветра, стихия воды – значимы в равной степени: каждой из этих стихий уподобляются важнейшие общественные события (революции, Великая Отечественная война, некоторые советские реалии (социалистическое соревнование)): *пожар революционной борьбы, революционный огонь, пожар коммунистической революции, пламя войны, поджигатели войны, искры военного пожара, волна соревнований, река социалистического соревнования, пучина войны, революционная буря, военная гроза, огонь и буря Отечественной войны* и др.

По нашему мнению, представление революции в образе стихии должно было показать природную естественность произошедших социальных перемен, а также возвеличить революционеров, которые смогли управлять стихией революции. Уподобление войны стихии показывает ее страшную разрушительную силу, но в то же время и могущество Красной армии и советского народа, оказавшихся способными ее выиграть.

Самый частотный слот фрейма «элементы неживой природы» – железо / сталь – характеризует партию, ее лучших представителей, советский народ. Метафора ЖЕЛЕЗА является одной из ключевых метафор советского языка, в ней реализуются такие семантические признаки, как железное единство, железная дисциплина, железная воля, которые, в свою очередь, относятся к людям партии.

Антропоморфная метафора представлена метафорическими моделями СССР – СЕМЬЯ и СССР – ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ОРГАНИЗМ. Метафора родства появилась задолго до образования СССР (*царь-батюшка, Россия-матушка* и др.) и была актуальной на протяже-

нии всего периода существования советской власти. Эта основополагающая метафора породила стандартный набор символов, представляющих ложную картину организованности, для закрепления строго иерархической государственной структуры [9. С. 73]. Политические лидеры были «отцами», а менее великие члены партии «сыновьями».

По мнению К. Кларка [9], метафора СЕМЬИ символизировала преемственность власти. В этой модели в изучаемый период был широко распространен лишь фрейм «Кровное родство». Все братские народы символически объединялись в одну семью, дружба и крепость которой постоянно подчеркивались: *Никто не в силах вызвать вражду в братской семье советских народов* (Правда. 1938. № 63). В большую советскую семью входили малые семьи: *семья Героев Советского Союза, семья стахановцев, семья шахтеров, семья гвардейцев* и др. Отцом партии был В.И. Ленин: *Эти связи скреплены жизнью Ленина, чье имя, как отца нашей партии и великого вождя коммунизма, останется навсегда в истории человечества...* (Правда. 1937. № 12). Позже отцом стали называть И.В. Сталина. Образ матери – ВКП(б) – встречается гораздо реже, видимо, потому, что партия образована политическими вождями, заслуги которых постоянно воспеваются. *Они [наемники фашизма] пытаются оторвать советскую молодежь от ее великой матери – Всесоюзной Коммунистической партии* (Правда. 1937. № 253). Остальные представители партии именуются сыновьями. Любимыми сыновьями становятся самые достойные члены партии – С. Киров, Ф. Дзержинский, бесстрашные бойцы Советской армии и др.: *Злодейское убийство Кирова, любимого сына партии Ленина–Сталина, показало, что троцкистско-бухаринская свора перешла на фашистский путь, на путь террора, шпионажа, диверсии и вредительства* (Правда. 1937. № 330).

Образы братьев и сестер показывают равноправие в братской семье советских народов, в которой русский народ – старший брат: Из письма азербайджанского народа т. Сталину: *«Обещаем Вам, товарищ Сталин, что мы будем еще сильнее оберегать самое драгоценное наше завоевание – сталинскую дружбу советских народов, дружбу со старшим другом и братом – великим русским народом»* (Правда. 1945. № 117).

Метафора СЕМЬИ выражает оппозицию «свой – чужой», характерную для советской идеологии. Советская семья дружно противостоит капиталистическим странам, фашистским захватчикам. Прагматический смысл метафоры родства – душевная близость, взаимопомощь – позволял сплотить советский народ для достижения общей цели – построения социалистического, а затем коммунистического общества. В то же время приоритет имело государство, а не отдельная семья, которой в случае конфликта необходимо было пренебречь для достижения общей цели.

В метафорической модели СССР – ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ОРГАНИЗМ сферой-источником выступают «наивные» представления о строении человеческого тела, о его частях и органах. Отдельные отрасли народного хозяйства Советского Союза часто представляются в виде человеческого организма (фрейм «Организм

человека»), что позволяет показать их сложность, системность, взаимозависимость. *Экономика – это сложный и динамичный организм, развитие которого само по себе постоянно рождает новые проблемы* (Правда. 1970. № 112). Номинация различных сфер советского хозяйства / сторон жизни СССР с помощью человеческих органов (слоты фрейма «Физиологические органы») показывает их роль в жизни страны, поскольку физиологические органы всегда функциональны. Так, сердце – центральный орган кровообращения: *Донбасс – сердце тяжелой промышленности и сердце всего нашего народного хозяйства* (Правда. 1931. № 137), *Сегодня в красной столице, в сердце строящегося социализма, открывается мировой съезд коммунистов* (Правда. 1928. № 164); кровь питает весь организм и обеспечивает его жизнедеятельность: *Нефть – это драгоценная кровь, дающая жизненные силы народному хозяйству* (Правда. 1940. № 299).

Физиологическая метафора позволяет человеку наглядно представить государственную деятельность, соотнося ее с самим собой. Продуктивность этой метафорической модели объясняется детально структурированной сферой-источником, которая дает возможность дополнительного расширения сферы-цели.

Концептуальные метафоры, образованные по метафорической модели СССР – ВОЕНИЗИРОВАННОЕ ОБЩЕСТВО, были очень значимы в изучаемый период. Фрейм «Организация военной службы» (слот «воинские подразделения») метафорически структурирует советское общество. Очень большое количество людей обозначается как армия, прежде всего речь идет об армии труда: *...от добровольческих коммунистических отрядов мы должны перейти к регулярной армии труда...* (Правда. 1920. № 15). В Советском государстве действовали и армии строительных рабочих, и армии советских специалистов, армии металлургов и горняков, рабселькоровская армия и др. Менее крупные военные подразделения были представлены *боевыми отрядами строителей, боевыми колоннами тружеников, отрядами героического рабочего класса*. Фрейм «Военные действия и вооружение» показывает важность, неотложность, значимость государственных программ СССР (слот «военные действия»): наступление за послевоенный подъем сельского хозяйства, бой

с внутренним капитализмом, передовая линия борьбы за досрочное выполнение послевоенной пятилетки и др. Различные области социалистического хозяйства обозначаются как фронт, на котором ведется непрерывная борьба: *Строительный фронт – важнейший фронт хозяйства* (Правда. 1929. № 150). Большевики используют такие виды оружия, как внутривнутрипартийная демократия, самокритика, история ВКП(б), большевистская печать и др. Например, *Работа с кадрами, работа о росте политической сознательности масс, вовлечение трудящихся в социалистическое соревнование – вот сильнейшее оружие парторганизаций в их борьбе за дальнейший подъем сельского хозяйства* (Правда. 1948. № 81). Этапы войны за социализм и коммунизм обозначены слотами фрейма «Начало войны и ее итоги»: от классовых битв, мобилизации масс для выполнения производственного плана (Правда. 1940. № 2) до полной победы социализма на Земле (Правда. 1963. № 195).

Активное использование военной метафоры, вероятно, должно было призвать советских граждан к бескровной борьбе в деле построения социализма.

Пространственная метафора представлена одной метафорической моделью РАЗВИТИЕ ГОСУДАРСТВА – ДВИЖЕНИЕ ПО ДОРОГЕ. Несмотря на высокую частотность и регулярность метафор, образованных по этой модели, варианты таких метафор немногочисленны. Выделяются фреймы «Цель / направление пути» (метафоры ПУТЬ К КОММУНИЗМУ, ПУТЬ СТРОИТЕЛЬСТВА СОЦИАЛИЗМА), «Характер пути» (например, *Сельское хозяйство в истекшем году прочно встало на путь нового крутого подъема* (Правда. 1945. № 311), «Препятствия на пути» (РАСЧИСТИТЬ ПУТЬ, СБИТЬ С ПУТИ). Ограниченность вариантов метафоры ПУТИ / ДОРОГИ говорит о верном выборе основополагающей идеи и стабильности развития государства.

Исследование концептуальных метафор, отражающих идеологические установки советской власти, показало, что в изучаемый период была сформирована метафорическая система в русском языке советского периода. Все описанные метафоры, являясь частью официального публицистического дискурса, обладают мощным прагматическим потенциалом, выражают основные идеи советского тоталитарного государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Михеев В.А. Язык тоталитарного общества // Вестник АН СССР. 1991. № 8. С. 130–197.
2. Шмелёв А.Д. Эволюция русской языковой картины мира в советскую и постсоветскую эпоху // Советское прошлое и культура настоящего: В 2 т. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2009. Т. 2. С. 171–185.
3. Романенко А.П. Образ риторика в советской словесной культуре: Учеб. пособие. М.: Флинта; Наука, 2003. 432 с.
4. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале // Русская речь. 2002. № 1. С. 42–46.
5. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). Екатеринбург, 2001. 238 с. URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/chudinov-01.htm>
6. Баранов А.Н. О типах сочетаемости метафорических моделей // Вопросы языкознания. 2003. № 2. С. 73–94.
7. Чудинов А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. I (Глава 1–2). Екатеринбург, 2003. 248 с. URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/chudinov-03a.htm>
8. Мэмфорд Л. Миф машины // Утопия и утопическое мышление. М., 1991. С. 79–97. URL: <http://philosophy.mitht.ru/memford1.htm>
9. Кларк К. Сталинский миф о «великой семье» // Вопросы литературы. 1992. Вып. 1. С. 72–96.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 17 октября 2010 г.